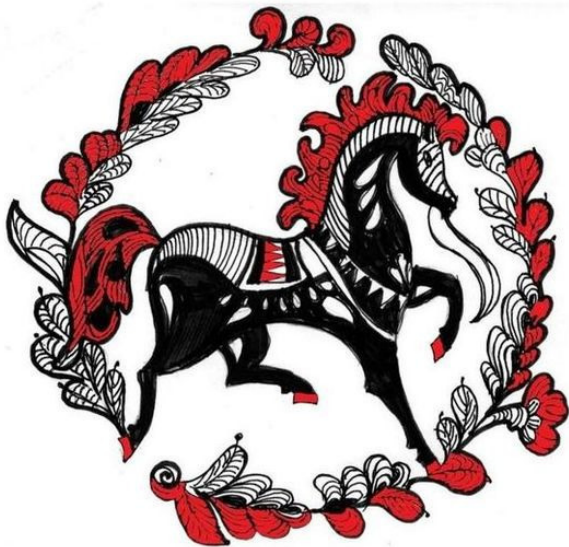

18+

Надежда Гладкая

Русь деревенская

Надежда Гладкая

Русь деревенская

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57282813

ISBN 9785005122698

Аннотация

Повесть из 19 рассказов, созданных по воспоминаниям жителей уральских деревень. Реальные события с конца XIX до конца XX века в художественном изложении автора. Быт и любовь, беда и смех, война и мир, правда и кривда – живая жизнь русской деревни. Книга написана на подлинном уральском диалекте.

Содержание

Русь деревенская	5
Глава 1 «ЭТО БЫЛО НЕДАВНО»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Русь деревенская

Надежда Гладкая

Иллюстратор Алла Таранкевич

© Надежда Гладкая, 2020

© Алла Таранкевич, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-2269-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русь деревенская

«Люди вообще напрасно думают, что каждому из них доступно только то, что прошло через сознательные слои его «дневного» опыта. Неисследимо и неопишимо присутствуют в каждом из нас веяния наследственно окружающей нас природы, дыхание нашей национальной истории, потомственно намоленные в душе религиозные сокровища духа.

Всё это как бы дремлет под сводами нашего душевного подземелья; и только ждет своего часа для подъема и обнаружения. И в этот час, когда приходит в движение родовая глубь личной души, человек испытывает себя скорбно и радостно-древним, как если бы в нем ожили и зашевелились его неизвестные, но столь близкие ему предки, их беды и победы; как если бы в нем проснулось некое историческое ясновидение, доселе сосредоточенно молчавшее, или рассредоточенно дремавшее в глубине его души, – проснулось и раскрыло ему сразу и глубину прошедшего, и глубину его собственной личности.

И вот все живо, все трепетно-свежо, все заливают душу скорбью былых страданий и радостью нового видения».

Иван Ильин, русский философ

*«А не спеши ты нас хоронить,
А у нас ещё здесь дела,
У нас дома детей мал-мала,
Да и просто хотелось пожить».*
Владимир Шахрин

Глава 1 «ЭТО БЫЛО НЕДАВНО»

СВЕТ ДЕРЕВНИ

(повесть)

«Кровавая, хмельная,

*Хоть пой, хоть волком вой!
Страна моя родная,
А что ж ты делаешь со мной?!»*

Зоя Яценко

*«Блаженны кроткие,
ибо они наследуют землю».*

Евангелие от Матфея, гл.5, ст.5

Солнце вставало доброе, чистое, обещало хороший день. Оно появляется каждый день из-за угловой соседской ограды, что через дорогу, между изгибом реки и лесом. Сначала чуть подсвечивает снизу небо, потом, высунув макушку из-за горизонта, пускает свет вдоль по земле, и, наконец, показав свой лоб, щекочет лучами уже бока деревьев и изб. А уж когда является перед миром всем ликом, тогда щедро заливает светом и крыши, и огороды, и реку.

Дом поставлен так, что солнце в окнах весь день, от первого лучика до последнего. Сперва в горнице и комнате, в пяти окнах прямо, потом катится вправо, заглядывая в те, что выходят во двор, пока не спрячется за кладовую. Тому, кто привык трудиться от зари до зари, по-другому строить нельзя.

Александра наблюдала рассвет из окна родительского дома, дожидаясь невестку, чтобы с нею идти на реку полоскаться. Мария собирала в узел волосы, зевая, повязывала платок. Подхватив корыто с бельём и вальки, женщины вышли из избы и стали спускаться к реке. Расположившись на пло-

тике, заскáли рукава рубашек выше локтя, принялись плескать на стайку гусей и кы́шкать, отгоняя их от мостков. Какое-то время у реки было спокойно, слышался плеск белья по воде и гусиных крыльев неподалёку, и солнце пронизывало золотыми нитями белизну птичьих крыл и лёгких женских рубашек, не забывая и обо всём берегу, создавая неповторимое, не сравнимое ни с чем световое полотно утренней деревни.

Александрe всегда было радостно гостить в родном доме, словно сила впитывалась в неё от самых стен, от тѳятиной тихой поддержки, маминого разговора, мир нисходил в душу, дух укреплялся. Только сейчас она у них не в гостях, и не от радости. Мѳжнину семью раскулачили, и мужа, и отца его с матерью увезли куда-то, сказывают – в Сибирь. Свекровка добрая была у неё, уговаривала:

– Олександра, бабам-то можно отстать от мужиков, разрешают отделиться. Иди к своим, робѳят уводи, может – спасѳетесь.

Сомнительно это было, чтобы спастись. Несдобровать им. Свекры, конечно, тоже не худо живут, к худым её бы не отдали. Не живут, жили уж теперь. Узнавала про них, спрашивала – никто ничего не говорит. Ни слуху, ни духу. Где они, как они? Запропáли нáчисто, может, вовсе сгнули. Никого не жалеют теперь, стреляют. В Мироновой вон церкву изломали, батюшек убили. Кладбище испоганили, с землѳей сровняли, где могилки теперь родные искать? Дедушко Иван там,

баушка Надёжа, сестрица Мария...

Но к своим уехала, робятёшек пожалела. Да и за своих боязно. Не самой спастись, дак им помочь. Хотя, чем поможешь? Но как сам тут находишься, сам всё видишь, дак будто легче. Павел, муж-то, хороший у неё был, ладно у их было. Был, было... Неужто только так теперь и говорить об этом? Неужели всё погинуло?

Тятин-от дом посправнее Павлова будет. Значит, не сегодня-завтра и к ним придут. Федя Горбатый уж не раз похвалялся: «Теперь мы станем калачики ись, а вы сухари суши́те». Мы – это, стало быть, новая власть. Ты сперва напеки этих калачиков-то! Да из своей пшенички.

Перво-то время власть не по один раз на дню из рук в руки переходила. Утром бела, вечор красна. Потом снова да ладом переменятся. Как красны в деревню – Фебина семейка уж тут перед ими вьётся.

В соседних губерниях, сказывают, мужики сколь раз бунтовали. А наши... Дед Иван наверняка бы пошёл. А тятя другой, и брат тоже. На их многие глядят, уважают всё ж таки. Может, на их глядя, тоже молчат.

Сердце сжалось, вспомнив прежнюю жизнь. Тятя тогда токо недавно их с сестрой из школы приходско́й забрал, не дал в третий класс пойти – работы по дому полно, а прислуги ведь нету. Хватит, писать-читать выучились, и будет, не барыни. Совсем-то неграмотных у их никого не было, азбуку с арихметикой все знали. Токо ленивые грамоте не знают

да худоумые. Однако, добро с неба не падает, а с поля, да с огорода, да с пригбна. А зимой – крósна, спицы, иголки да нитки. Мужикам плóтница работа, обу́тки шить, посуду ладить, да кúзня ведь у них. Понимай, сколь работы-то. В большой семье у всякого своя кудéля, большим – большá, маленьким – мáленька.

И вскоре, в один недобрый день, прискакал тятин сродный брат, Перфíлей, рассказал: «Пермь пала, царя сбросили!» И показалось это так, будто небо сбросили на землю, и всех придавило... Как жить теперь, чему верить, кому служить? А тятя твёрдо сказал: «Разве нам кто приказывал сердце менять? Или голову другую приставили? Им Бог судья, а нам гадать да менять нечего, так и быть, как было. Жить по совести, верить Богу, служить родной земéлюшке»...

И заездили, запылили, заскакали по деревням чужаки. Грохот, крики, топот, стрельба, грязíща, день и ночь смешались – ни в чем не было больше покоя. Ничего нельзя хуже придумать для деревенского человека, чем нарушить его уклад, его мирный, понятный ход жизни, в котором он знает, что это его дом, его двор, его поле, его семья. Его соседи, а значит, братья, друзья. Потому что у них такой же дом, и двор, и поле, и семья. И все они вместе, и знали, когда вставать и ложиться, сеять и жать, работать и праздновать. И берегли и умножали то, что давала им земля.

Теперь было непонятно, когда день и ночь – и ночью стреляли и кричали, и выгоняли из избы. Когда сеять – поля топ-

чут чужие кони. Кони чужие, а седоки на них по-русски вроде говорят. Токо матерятся больно, да слов каких-то басурманских много. Русские, а чужаки. Что с ними делать? Знали многих врагов в лицо, воевали в германскую, дед Иван турка бивал. А эти – со своего уезда, да хуже турка. Раньше мчали по сёлам тройки коней, теперь тройки людей. Те тройки людям служили, душу радовали. А эти людей приговаривают да стреляют.

И как понять то, что им говорят: «Новая власть даст вам землю», а власть пришла и землю отняла. И как беречь заробленное – горят амбары и избы, выгребаются подчистую и зерно, и сено. Кое-которые из деревенских ушли с имья. Срѳдник тятин, Панкратий, ушёл. У их земли было не сколь дивно, пять девок в семье-то дак. Сказывают, нету уж живого. За что погинул? Жена с девками осталась сирота. Тятя им муки свѳез, пшена, мама узел одѳжи для их проводила, да денег сколь-то. Хоть и удивительно, как девки себе не нашили добра, не навязали? Безрукие ли чѳ ли? Ну, осуждать – грех.

Ещё раз приезжал дядя Перфилей. Что Илья с Егором к красным не метнулись, в том сомнений не было никаких. Тут другое дело. За Пермью и дале мужики восстали. Работать нельзя, семью кормить нельзя, хлеб отдай, лошадь отдай. Баб, ребятишек стреляют. Токо степняки так делали, их отбили деды, неужто мы этих не отобьѳм? Перфилей уехал мрачный. Впоследни сказал брату: «Смотри, Илья Иванович, ты против их не идѳшь, а онѳ за тобой придут, не задер-

жаться»...

* * *

Александра с Марией стали подниматься вгору, к избе. Трёхшёрстная кошка припустилась от лохматого кобеля через дорогу и взлетела на электрический столб. Пёс отметил у столба и пошёл по своим делам, а стайка воробьёв расселась на проводах. Замешкались вроде на минуту, и опять давай чирикать. Кошка долезла до середины, опнулась, и сидела, думала – сползти вниз или лезти выше, чтобы воробьёв достать. Запоздалые петухи догорланивали побудку для ленивых, а на столбе по сию пор горел огонь. Сказывают, недёшева эта новая лампа, денег стоит. Мотает там где-то чё-то.

Дедушко Иван опять вспомнился. Всё говорил: «Наживи, да не растрясй». Александра усмехнулась, припомнила, как они маленьки уроки сядут выполнять, зажгут лампу. Керосинова лампа, в деревне её называют «сбоку наливатся, с ж..пы задуватся». А дедушко не любил, когда кто при огне работу делает, особенно летом. На то солнышко есть. Не успели – стало быть, никуда не успели. Никудышные, значит, работники. Поглядит на ребят, встанет, подойдёт к окошку, занавеску вроде того пошщупает, побряхтит, ладошки друг об дружку пошбркает. Потом тихоньку подойдёт к лампе, и вроде невзначай задует. Вот и выучили уроки. А кто виноват? Припозднiлись – всё.

А новую эту лампу с проводами и вовсе не жаловал. Для

ленивых токо. Наливать не надо, ставить не надо, болтается, токо загогулину поворачивай, можно и с полатей не слазить, так дотянешься. Да мотает. Не сразу эти новые тенёта в избу провели, пригляделись сперва. А провели, дак не шибко зажигали их. Да ещё не всегда порядок. Как токо ветер – у их огня нету, тенёта оборвало. Лезти надо на столбы, завязывать. То потухнет, то погаснет, то опять не загорит.

А теперича карасин обчий, лампочки эти незнамо хто покупает, незнамо кому и беречь. Вот и светят – солнце само по себе, а столб сам по себе. Да столбы-то тогда ещё делать заставили. Сперва собрали народ, да всё какими-то бумажками трясли. Мол, новая власть приказывает то-то и то-то...

Липинские собрались, дивно пришло. Бояться стали, мало ли – не придёшь, заарестуют либо ещё что. Товарищей было вроде пятеро, столом отгородились, как у их в моде. Федя тут метлеси́тся, Ма́кся Со́ря тоже. Ну как – начальство! Говорить стал один из их, в кожаной тужурке. Сказывают, там, в карманах-то, всегда пистолеты у их, чтобы в любой момент в человека-та стрéлить. Поглядел на народ-от, подбородок голый кверху задрал и говорит:

– Товарищи крестьяне! Доводим до вашего сведения протокол заседания товарищества об электрификации северного куста Егоршинского района. Учитывая необходимость электрификации Мироновского куста в Егоршинском районе, президиум райисполкома предлагает товариществу «Свет и сила» развернуть массовую работу среди населения

этого куста.

Народ молчал. Баушка Антанида Пахомовна оттопырила ухо, загнув платок повыше и наморщив и без того морщинистое лицо, изо всех сил слушала. Потом покрутила головой из стороны в сторону и тихоньку толкнула в бок свою сноху.

– Настёна, чё ето ладят делать-то опять?

– Дак не пойму, мама. Кусты, что ли, какие-то садить будут.

– Нашто? Мало емям кустов-то в Липиной?

– Эти, вроде, какие-то северные...

– Ёлки, ли чё ли?

Сосед Мотька ввязался в разговор:

– Да нет, лифика́цию станут делать.

– Чё ето?

– Это, баушка, навроде ексеку́ции.

Антанида сохвата́лась за Настасью и начала, было, подвывать, но товарищ в тужурке поднял руку, чтобы, значит, молчали все.

После кожаного стал говорить другой.

– Товарищ Валов вам разъяснил постановление. Электрификация будет производиться на паевые средства. Контроль за сбором средств поручен Фёдору Савватеевичу.

Федя приосанился и важно оглядел земляков. Товарищ продолжал:

– Кроме того, необходимо приступить к заготовке столбов и материалов... Ответственный за это Максим Емельянович.

Сóрья приступит, а как же! Заготовит. Он с молодых ног-тей за топор-то хвататся. Чуть чё не по ему дак.

Говорили товарищи долго, новая власть шибко любила собрания. Душа болит – хозяйство ждёт, а попробуй, уйди. Врагом задéлаешься. Заставили тогда от каждого двора предоставить работника, чтобы готовить брёвна для столбов, да в землю опóсле вкапывать их. Потом на их тенёта вешали. Это уж сами товарищи ладили, тенёта-те эти не каждому можно трогать – насмерть человека сожéгчи могут. Как всё излáдили, давай праздновать. Из Егоршиной приезжали артисты, про новую жись показывали, как, мол, хорошо теперь стало. Тот же мужик, из товарищей, опять выступал.

– Вот, товарищи крестьяне, советская власть принесла свет деревне! Мы не будем больше ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача! Забудьте про лучины и керосинки, которыми пóдчевал вас царский режим! Теперь всегда будет гореть этот новый свет деревни!..

* * *

Александра и Мария уже подходили к своей избе, когда увидели в конце улицы каких-то мужиков. Похожи на товарищей, одного легко узнать и издалёка – Федя Горбатый. Верно, он. Руками в их сторону машет. Женщины поскорее забежали во двор и задвинули засов на воротах. Александра кинулась в избу.

– Тятя, к нам идут!

Илья Иванович подошёл к иконам, перекрестился, потом встал возле окошка. Авдотья отправила внуков на полати:

– Олёша, пригляди за Нюрой, да не здумайте выглядывать, сидите тут!

Спросила Александру:

– Мария-та где?

– В огороде, стирку вешать пошла.

Мать всплеснула руками и кинулась во двор, вразумить невестку. В ворота заколотили нечестно. Зашли по-хозяйски, сразу взяли в оборот.

– Кротов Илья Иванович?

Хозяин спокойно оглядел пятерых товарищей. Соря в зелёной шапке с вострым верхом и с красной звездой, на плече ружьё. Один в кожанке, в фуражке, хоть и жара, на боку пистолет. Ишо двое «своих», деревенских. Тимоха Забелин – тот всегда подрасться был не дурак, хоть бы с кем, всё равно, лишь бы кулаки почесать. Работать – его ишо надо поискать. Эта большая драка ему шибко к душе пришлась, повоевал сколь-то, теперь с властью ходил, порядки наводил. Костюха Кротов, дальняя-роздальная родня, бедняк. Пьёт не шибко, да пошто-то всё не везёт ему, то жена захворает, то скотина падёт, робетёшек много. Пятый – Федя. С этим всё понятно.

– Здорбво, земляки. По делу, али так зашли, про здоровье спросить?

Федя и без того уж приседал с нетерпёжу, скорей бы кинуться, а тут его прбрвало:

– Тебя, кулацкая морда, щас спросим! Про всё спросим...

Кожаный на его махнул:

– Фёдор Савватеевич, выскажетесь позднее.

Илья обратился к родственнику:

– Ты, Константин, наверно, долг принёс за подкованную кобылу, за дуги да за кадку? Дак я тебе ведь простил этот долг-от, сказано – не отдавай, тебе сгодится.

Костюха отвёл глаза, а Забелин за его гаркнул:

– Сами скоро без штанов будете! Хватит, отзадавались!

– Тише, товарищи! – вмешался кожаный. Потом велел хозяину:

– Пригласите всех членов семьи сюда.

Но все уже и так были во дворе. Александра и Егор вышли на крыльцо, Мария со свекровью выглядывали из-за двери в огород. Кожаный достал бумажку, покёркал в кулак и начал читать. Эти слова, страшные и чужие, никак не укладывались в уме стройно, но на долгие годы врезались в него, как гвозди, вбитые в их жизнь, которую пришли распять: «протокол», «постановление», и числа какие-то, номера чего-то. Прочитав бумажку, кожаный поглядел на своих подельников:

– Ну что ж, товарищи, я думаю, можно приступить к голосованию. Группирование зажиточно-кулацкой части, я думаю, вполне доказано. Кто – «за»?

Тимоха и Соря подняли кверху одну руку. Кожаный кивнул и указал рукой на большие ворота. Незваные гости от-

крыли их настезь, за ними, оказалось, уже стояло три телеги. Федя с Тимохой побежали в пригон и, матюкаясь, начали вязать верёвками коров. Красно-пёстрая Изка и рыжая Мамка упирались и мычали, стараясь поддеть чужаков рогами. Тимоха выскочил во двор и, найдя под навесом мешковину, обмотал ею рога особенно сердитой Изки. Её месячный телёнок Мизирко бежал за нею, жалобно помукивая. Мамку Макся выволок за ворота, как попало. Кормилица семьи мотала головой и старалась зацепиться ногами за землю, упала на колени.

«Зарежут», – подумала Александра, – «изломали, бедной, ноги-те». Посмотрев на мать, женщина увидела, что по лицу Авдотьи, не морщя, бегут ручьями слёзы. Тятя с Егором пошли в конюшню и вывели лошадей. Александра про себя одобрила это: нельзя, чтобы их, сиротинушек, так же, как коров, вытянули. А ну, как вырвутся? Пристрелить могут их. Брат её вывел серую кобылу Груню, труженицу, ходившую и перед плугом, и перед телегой да санями. Потрепал по холке, погладил, надел уздечку – а то товарищи верёвкой потянут – повёл за ворота, привязал ко второй телеге.

К первой уже были привязаны коровы. Телёнок жался к матери, искал тёплое вымя. Дитё – оно и есть дитё. Мама рядом, значит всё в порядке. Разлучат теперь с мамой, поставят в общее стойло, не знамо – убранное ли, нет ли, на жиденькое колхозное пойло, а то вовсе прирежут.

Илья Иванович надевал узду на своего верного друга, ти-

хонько что-то наговаривая ему, поглаживая длинную гриву. Серко́, стройный красавец, сильный, трепетный, чувствовал тревогу и вёл себя, как перед походом. Приплясывал, дул большими ноздрями в лицо хозяину. Прадед его носил деда Ивана воевать против турок, отец бывал в походах, и сам он не раз уходил с хозяином служить. Егор, когда маленький был, всё понять не мог, пошто это белых коней серыми зовут. Теперь вот глядел, как отец обнимает Серка́, гладит мощные скулы и ведёт за ворота. Никогда таких бабьих повадок у него не бывало, лошади в холе, в сытости, ни кнута, ни сапога не знали, но и обниманьев тоже. Чувствовал Егор, что сколько бы ни унесли теперь воры, что бы ни отняли, эта потеря всех больнее. Что такое для отца потерять Серка́, когда у него у самого комок под воротом давит!

Кожаный, видать, думал про то же, только наоборот, что это самое большое приобретение. Он даже перестал командовать и стоял, не скрывая, любовался конём. Было ясно, что Серка́ колхоз не получит. Опомнившись, главный товарищ заподгонял своих. Поволокли на телегу гусей, выгнали овец, складывали в мешок куриц. Выкатили из сарая телегу, думали, как вывести сани. Не придумали, пришлось оставить. Из избы потащили сундуки, тюфяки, посудный шкаф, комод, подушки, посуду.

Два сундука и матрас Александры собрались грузить на реквизированную телегу. Илья Иванович подошёл к комиссару, сказал:

– Это дочерино придано, не с нашего хозяйства. Она отделилась от мужа, это увезла с собой.

Кожаный недовольно махнул рукой, сундуки поставили у стены. И без них работы у гостей было невпроворот. Всё, что выковали за годы труда хозяева-кузнецы, изладили мастеровитый столяр Илья Иванович и смекалистый механик Егор Ильич, выткали, сшили, вышили и связали долгими зимами Авдотья и свекровь её, Надёжа, что вырастили в поле и огороде, отправлялось теперь новоявленному хозяину – колхозу. Хомуты и оглобли, серпы и подковы, столы и грабли с лопатами, сапоги и рубахи, тулупы и пимы, шали и штуки полотна, юбки и кофты, полотенца и ведра, горшки и ладки, утюги и коромысла, хлеб, пшено и сено, даже морковь прошлогоднюю выгребли.

Последними из избы вынесли большие часы с боем, отмерявшие в этом доме время, почитай, пяти колёнам. Егор эти часы всё время держал в порядке, чистил, настраивал, смазывал.

Потребовали ключи от кладовой. «Работники» припотели, таскали уже не так споро. Четыре телеги и скот уже отправились от дома, только Серко оставался привязанным к огороду, бил копытами, ворчал и недовольно мотал головой. Кладовая пустела на глазах.

– А это что? – спросил предводитель, пиная ногой дверь малухи.

– Там дочь живёт, её там хозяйство, – снова сказал Илья.

– Чё-то у тебя, Илья Иванович, всё дочерино, чё ни возьми, – встрял Федя.

Товарищи шваррили по другому, по третьему кругу в пустых уже амбаре, избе, пригоне. Егор обнимал мать, отец прямо и, вроде бы, спокойно стоял, глядя на гибнущий дом. Всхлипывания Марии перешли в завывание, она пыталась хватать и удерживать то одно, то другое. Её втокнули в кладовую и закрыли там.

Александра молча и неподвижно, скрестив руки, смотрела на хозяйничающих пришельцев. Никто бы не догадался, о чём она думает. А она вспомнила, как в детстве плакала оттого, что мама унесла куда-то котят. Такие хорошие, а мама унесла. Как же жить-то без котят? И Авдотья ей сказала тогда: «Вот беда – котята! Вырастешь, узнаешь, какое горе-то бывает. Токо не дай Бог!» А Санке думалось: «Какое же может быть горе больше, чем потерять котят?» Гнев кипел у неё в груди. Кожаный обратил внимание на фигуру, которая всё это время молчаливо стояла, как изваяние, и наткнулся на горящий взгляд.

– Ух ты, какие глаза! Огонь. Жанна Д»Арк! – ухмыльнулся он.

Разомкнув, наконец, плотно стиснутые губы, женщина сказала:

– Александра я.

Супротивник снова ухмыльнулся:

– Защитница, стало быть. Я запомню.

– Запомни.

– Думаешь, от зайца ушла и от волка ушла? Давай, открывай своё хозяйство! Шутить с нами надумала? Открывай, говорю, свою конуру! Сама по себе она, видите ли!

– Не имеешь права. Я ни отцова, ни мужнина. Твоя власть разрешила отделяться. Или ты сам по себе власть?

Кожаный стиснул челюсти, повёл взглядом по двору – на чём бы зло сорвать. Увидел в открытых сенцах малухи большой старый ларь, в котором лежали вытканые в эту зиму новые половики. Рывкнул:

– Это что?!

– Моё это.

– Было! Было твоё! Шевелись, выноси!

Александра медленно повернулась и пошла к сеним, стройная, спокойная. Товарищ глядел вслед, скрипя скулами, поневоле любясь ею, раздумывая, что сделать – арестовать её за сопротивление властям или жениться на ней. А она думала, что вот сейчас он выстрелит ей в спину. Дойдя до ларя, женщина открыла его, достала стену половиков, и, взявшись за край, катнула под ноги кожаному. Разноцветная, полосатая дорожка пересекла двор. Следующая, с выкладным узором-«ёлочкой» взлетела и улеглась рядом. Третью у неё перехватили, но от столкновения и борьбы она тоже выскользнула и наполовину раскатилась.

Товарищи матюкались, оттолкнув Александру от ларя, сами принялись шарить в нём. Но там осталось только несколь-

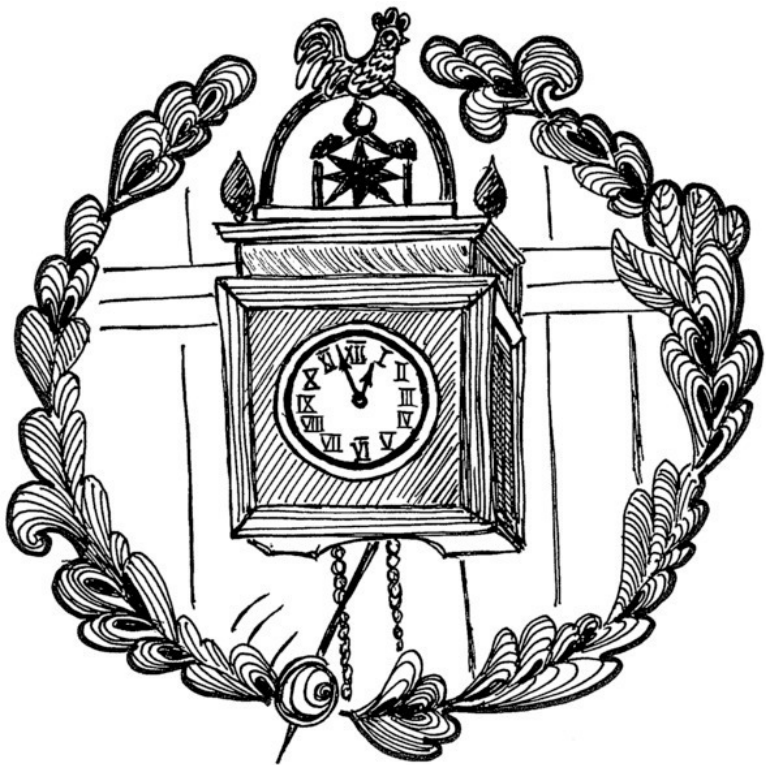
ко круглых плетёных ковриков. Ещё раз зыркнув на упрямую кулачку, предводитель пообещал:

– Ещё увидимся.

Дав команду уходить, он попытался забраться на Серка́, но конь был не осёдлан, и без стремени комиссар не сразу с ним справился. Городской, видать. Разозлился ещё больше оттого, что женщина, усмехаясь, глядит на него, пнул коня. Александра подумала, что Серко, понимающий слова, не станет слушаться сапогов, а стало быть, долго ему не жить. О том же, видать, думал и Илья. Оторвавшись, наконец, от места, где стоял всё это время, он подошёл к воротам, закрыл их. Мария всё ещё óпила в кладовой, Егор отпер жену и успокаивал. Авдотья и Александра были уже в избе, обнимали ребятешек.

Всё семейство собралось под крышей ограбленного, разорённого дома. Молча обходили комнаты, глядя на то, что осталось. В горнице стол, в комнате две лавки, кровать. Рукомойник не взяли, ухват возле печи остался. И светлый квадрат на том месте, где висели часы. Вот и остановилось время, раскололась жизнь пополам, разделилась на «до» и «после».

Илья Иванович встал на колени перед иконой в кухне, которую, слава Богу, не тронули. Остальные все увезли. Рядом опустились Авдотья и Егор. Если бы слышали товарищи эту благодарственную молитву, шибко бы диву дались. Благодарили, что все живы.

Набранного добра было так много, что не вспомнили го-
стенки про подпол. От амбаров да кладовой голова кругом
шла. А в подполе была у мужиков мастерская, подо всем до-
мом тянулась, как всё равно вторая изба. Станки там – сто-
лярный да слесарный, струмент всякий. Из бабьего обихода

чигу́нки, корзины и прочая. И главное – соленья да варенья. А ещё – потайной ход через огороды к реке.

Женщины нашли тряпок, лохань, и принялись замывать пол после набега. Скатали так и не собранные с земли половики. Мужики прибирали во дворе, что ещё можно было прибрать. Как стемнялось, Авдотья сходила к соседям, Шелегиным, выменяла ковригу хлеба. Да заодно договорилась с ними, чтобы стаскать к ним кое-которые припасы, чтобы на другой раз их не нашли. Так и сделали. Мать и дочь, Сима и Катя, жили, как говорится, бедно да честно. Не жирова́ли, но в избе прибрано, и хлеб в печи всегда есть. Держали козочку да куричошек сколь-то. Много ли им двоим-то надо? Авдотья, правда, им помогала, когда чё дак, да и Илья плотничал, бывало, у их по-соседски. Хорошие были обе женщины, часто в гости заходили. Да кто к Илье Ивановичу-то не заходил? С умным да хлебосольным говорить-то – любо-дорого. Теперь, небось, никто не придёт, не жди. Забоятся.

Потихоньку бабы выменяли и мучки, стали опять сами печь хлеб. Картошка ещё не копана, стали её подкапывать, да прошлогодние запасы из подполья. Одежи доброй никакой почти не осталось, особенно зимней. Подвезло тем, что в корыте, в огороде осталось мокрое, так и не развешенное бельё. Занавеску с полáтей ситцевую сняли, из её которо-что сшили, да у Авдотьи в бане лежали узлы, выстирать да кому-нибудь подать. Теперь сами себе подали, сгодилось. А не име-

ли бы привычку подавать милостину, во что бы оделись теперь? Те, к кому они были милостивы, ничего им не подадут. Кто со зла, а кому боязно.

Егор начал с отцом говорить сыспотіха, чё, мол, да́ле-то делать станем. В колхоз заставят вступать, да и придётся – как жить-то? Илья сказал:

– Пока терпит. Оне ведь пошто-то не заикну́лись об колхозе-то? Им добро наше заноза, да земля, грептёло попользоваться. А нас им не надо.

– А про Перфи́лея чё думаешь, тятя? Может, ехать теперь к им?

Отец, как всегда, тихонько и спокойно ответил:

– По русским мужикам стрелять?

– Оне по нам стреляют, дак ничё.

– Это на их совести. Перед Богом поодінке отвечать станем, там кивать не на кого, не скажешь – оне, мол, стрелять за́чали, и я тоже, на их глядя. Ты сам-от как думаешь, Бог-от каких людей-то создал? Красных али белых? Вот то́-то, все одна́кие.

– А на войне как? Ждать, ли чё ли, когда тебя убьют, ничё не делать?

– То война. Скажут, на немца идти – щас же соберусь, видали мы іхну канáльску породу!

– А это разве не война? Это не орда?

– Эту орду русские матери родили, русская земля взрбсти-ла, в русской церкви крестили. Враг человеческий их заду-

ри́л, наслал на нас. А Господь то попусти́л. Против Него не пойду.

– Мы не пойдём, други́ не пойдут... А кабы все пошли, может бы отстояли прежнюю жизнь? Кабы все вместе?

– Все пойдут – все и погинут, и те, и эти. А хто в Рассее останется? Хто жить станет в Божьем мире? Ты по-другому рассуди: не кабы все пошли, а вот кабы все не пошли? Нихто бы ни на кого не пошёл – ни мы на их, ни оне на нас. Вот как надо.

– А эти, стало быть, будут распоряжаться тут?

– Будут, покуда Бог им предел не положит. Молиться за их – не ведают, что творят.

Как зиму жить, сколь ни думай – не выдумаешь. Мужики решили ехать, искать где-нибудь заработки. Голова есть, руки есть, грех жаловаться. Мастера умелые не пропадут. Александра тоже собралась с имья́. Шить, мыть, стряпать – нет того, чего баба не умеет. Авдотья с Марией останутся ребят да избу дозира́ть.

Приезжали Мариины отец с матерью, уговаривали отстать от мужа.

– Чё ты, Мариша, будешь за чужое добро страдать?

Всё ведь так в жизни-то, как пользоваться – тогда своё, а как отвечать – чужое. Хотя никто не пере́чил, сказали – смотри сама. Ей вроде бы хотелось уйти, да как знать, может, дале-то всё обойдётся? Но заподумывала.

В деревне новый праздник был – праздновали их раску-

лачивание. Не шибко, пошто-то, людный. Человек с десяток ходили по улице с гармошкой, пели про революцию, про советскую власть, ругались матерно на старый режим. Потом снарядчиками снарядились. Скатерти домотканые, бордовые да жёлтые, Авдотьяна работа. Сделали из их навроде облачения, крестов нашили да ходили, батюшек просмеливали. Правду молвить, немногие так-то делали. Хотя одёжу свою на земляках раскулаченным видеть приходилось, носили те её, не стеснялись.

Весть пришла – Шабуровых и Максима Соколова раскулачили, из домов выселили. У баушки Антаниды весь дом разорили, семейных увезли куда-то. С ей удар через это сделался, с параличом слегла, и ходить за ей некому. Авдотья к ей потихоньку начала захаживать, в сумерках конечно. Покуормит её да обиходит.

Стало ясно: баб одних дома оставлять нельзя, а тем более, если Мария отделится. Александра сходила в Борисову, к дяде Ивану Петровичу. Те, конечно, знали про ихну беду. Про себя сказали, что их трогать не будут, в списках нету. Записали их середняками. Как началась эта мешанина, Иван Петрович потихоньку начал лишнее которо-что сбывать с рук, чё попродавал, чё попрятал. Правда, деньги те потом всё одно пропали, но зато вот сами живы остались. Корову отобрали в колхоз, зерно тоже, но потом отстали. Александра взяла у борисовских телегу, лошадёшку нашла. Вечером поехала в Липину, собрали из её приданого, что осталось в малухе,

всё, что можно было припрятать на потóm, оставили самое нужное. Александра увезла ночью всё это в Борисову, вернула лошадь, и утром пешком вернулась опять в тятин дом.

Это они в аккурат успели, а вот на работу уехать не пришлось. Товарищи явились к ним через день, рано утром, уже не пятером, а восьмером. И ружей поболее, чем тот раз. Скомандовали собираться, дали десять минут. Оделись кое-как, лопотíны, какие оставались худенькие, что на них тогда не позáрились, да кто что успел сохватáть, с тем и посадили на подвóды и повезли.

Мария была в огороде, мужики во дворе, Егор едва успел жене туфáйку да платок вынести.

– Где остальные? – товарищи забежали в избу. Авдотья уже под порогом, завязывала узел с чем-то, что успела собрать. Поспешила послушно выйти.

– Иду, иду, тут я.

Прямо лоб в лоб перед ней оказался тот самый распорядчик, что в кожанке.

– Где ещё одна? – жёстко, в упор спросил Авдотью.

– Дак нету её тут. Уехала, то ли в Егоршину, то ли в Коптелову. Вроде, замуж там кто-то её позвал... Не отписáла ишшо.

Мать уверенно врала, защищая своих детей, а сама думала: «Понесу Богу ответ». Сызмалётства привычка – следить за своей совестью. Всяк Еремей про себя разумеи. И в голову не приходило сравнить себя с теми, кто заявился к ним

снова, как тать ночной, вовсе не думая ни про Бога, ни про ответ Ему.

На самом деле, когда товарищи забързили в ворота, Авдотья с Александрой были на кухне. Дочь доставала из подпола банки и подавала матери. Авдотья крикнула дочери: «Сиди там!», живо сдёрнула с полатей внучат и отправила туда же. Только успела перекрестить их да сказать на прощанье: «Уходите с Богом!»

Когда повозка с выселенной семьёй тронулась от избы, Александра с робетёшками бежали уже вдоль речки к лесу. День там просидели, на бруснике да на воде из ключика. Как стемнялось, прокрались к избе Симы Шелегиной. Пустили их, Алексею с Нюрой похлёбки дали. Александра токо чаем погрелась – зачем лишнюю обузу людям делать? Сима рассказывала: «Видели, как в вашем добре нищета красуется? Я говорю: «Катю́шка, ты не здúмай чё-нибудь взять! Они идут в хорошем, да в чужом, а ты в худом, да в своём».

Беглецы переночевали, утром за́светло пошли в Борисово...

* * *

...Подвóды тоскливо катились в сумерках. Пять телег с сидящими и лежащими в них людьми, тихими, придавленными и оглушёнными неслыханной, бесчеловечной бедой. Товарищи ехали по краям с двух сторон, верхáми, все с оружием. Вторые сутки доходили, как выехали из Липи-

ной, а по сю пор никто из арестованных не едал. Да и непонятно было, станут ли их кормить, или будут везти, пока все не перемерут. Останавливались вчерашней ночью, как уж во все стемнялось, а как чуть просветлело, тронулись дальше. Дорога уже пошла незнакомая. Много поездил Илья Иванович, и в походы, и на ярманки, а на этой дороге не бывал. Вот и привёл Бог.

По солнцу выходило, вроде, едут на восток и к северу. На третий день с утра раздали немного хлеба. Воду пили только на ночлегах, из ключика али из речки. Добавились ещё новые телеги с такими же выселенными людьми, и пока выстраивали обозы заново, тут пронеслось, что везут их в Тобольск. С Кротовыми ехали луговские муж с женой, молодые ещё, примерно Егору с Марией годки. Женщины иногда тихонько начинали всхлипывать и причитать, и тогда охранники, замахиваясь на них, кричали:

– Ма-алчать! Ехать тихо!

Марию то и дело мутило, остановиться было нельзя. Раз пришлось ей слезти с телеги и потом догонять под присмотром. Авдотья, догадавшись, что сноха в тяжести, неведомо откуда извлекла какую-то травку и велела ей понемногу жевать и держать во рту.

– Я вечор, как остановились, заметила у дорожки, изловчилась, сорвала потихоньку. Да жалко, что один только кустик был. Помаленьку щипли, надoble хватит. Дома бы сказалась – может, я бы сумела взять с собой.

– Думала – успею ишшо...

Так оно, кто же мог представить такое лихо? Всё думали успеть люди, каждый ладит жить, хлеб сеять, деток рóстить. Илья Иванович за всё время не обронил ни словечка, да и семья не сколь много разговаривала – об чём? Сторожа́ ихние наоборот держались весело, смеялись, перекрикивались. Больше-то надсмехáлись над теми, кого гнали теперь на незна́мо какую судьбу. Особенно, когда люди молились утром да вечером, и так, когда душа просит – а она теперь криком кричала, как же без молитвы? Красные герои принимались гоготать:

– Эй, дед, гляди, вон Боженька к тебе спускается!

– Наверно, сало тебе несёт!

– Ну что, когда Он вас спасёт? Скажите, когда ждать Его, мы ружья зарядим!

Илья Иванович думал о том, что вот так же, может, даже по этой же самой дороге, в тот же Тобольск везли его государя, и жену, и деток. И так же он со смирением принял участь свою, не противился палачам. А Сам Господь? Не так же ли был терзаем и оплёван теми, кто вчера ещё восхвалял Его, кого Он исцелял, наставлял, окормлял и Словом, и хлебами? И лишь молвил: «Не ве́дают, что творят».

И эти, безумные от развязанных рук, оттого что всё позволено – бери, сколько унесёшь, бей, пока рука не устанет – опомнятся ли они когда-нибудь? Не они, дак дети их, либо их дети. Сколько верёвочке ни виться, а конец будет. Раз-

ве понимают эти весёлые молодцы, что делается их руками? Сказали: «Бейте!» – они бьют. «Берите!» – они берут. Не к плугу, не к молоту силу молодецкую прикладывают – к ружью да к пулемёту; не на материнских песнях возрастают – на крови человеческой, братской. Верно сказано: родила корова телка, да не облизала.

А кабы остановились чуток да призадумались, авось бы и смекнули, что ежели один полный колос да к другому полному колосу приложить, да ещё сто таких полнёхоньких колосьев – какой сноп из их получится? Полный, тучный. Прокормит и зиму, и весной найдёт, что в землю уронить. А если вытрясти зёрна, обколотить колоски, что из таких обколотков выйдет? Таким пучком срамно и двор подмести.

Из крепких людей сложится крепкая страна. Если каждый казак силён да здоров, и весь полк будет молодец. А коли хилых да трусливых набрать – армии не сложишь. Дак кому надо стало ослабить их, разделить один по одному? Пожива, конечно, для их немалая получилась, попользовались хорошо. Но это попутно, как мародёрство. Не за ради этого всё затеяно, тут задача другая. Эти вот, которые тут на их шас гавкают, не волки, а волчата. Над ими есь волки, а над теми – псари. Волчатам забава, волкам – пожива, а псарям власть. Кому вот токо это задалось? Видать тому, кому вся Россия поперёк горла стала.

Осиротили деревню, выгребли всё у кулаков да в одну кучу склали, а дале что? Ежели раньше кто своего нажить

не мог, чужо́ сумеет уберечь? Дай вору золотую гору – скажет: мало. Разве ж понимают теперь? Поймут, когда кушать станет нечего, а грабить больше некого. А может, эти и никогда не поймут. Поди, не из деревни, городские, а то и во все без роду-племени.

О многом ещё думалось, о своих, которые рядом, и которые *там* остались. Нельзя сказать «дома», потому что дома у них больше не было.

Авдотья насчитала десять дён, как они ехали. Мёшкотно тянулись. Под конец никакого жилого огонёчка не видали даже издалёка, лес да дорога. Под вечер вывалили виноватый народ с телег где-то в лесу, бросили четыре топора на всю артель, да пару котелков, заворотили оглобли и были таковы. Поиздевались напоследок, не без этого. Мол, варите кашу из топора!

Нарубили сучьев, разложили костры – у кого нашлось кресало, у кого спички. Повалились на землю, кто как сумел. Встретив первый рассвет на новом месте, сперва побродили вокруг, потом – надо как-то наладиться. Собрались с духом, совет держали, кому чего делать. И в Липиной тоже ведь когда-то поставили первый сруб в чистом поле, дак где наша не пропадала. Поплевали мужички на ладони, да пошли ладить избу. Одну на всех пока. А всех было боле четырёх десятков, и с робятёшками. Бабы обошли вокругом по лесу, приметили, где чего, которо-что из еды пособирали. Но разве ж это еда – без хлебушка. Авдотья травки брала, успевала.

Илья Иванович работал вместе со всеми, а думы его не оставляли. Да и другие, поди, так же, дело делают, а думу думают. Вот поставят барак. Травы бабы руками нарвали, засушили, постели изладят. Лес чего-нибудь даст, гриба́, ягоды. Зайцы есть, может, птица, ружьишка нет ни единого. Да и не шибко хто к охоте привычен, от земельки кормились. А от волков как обороняться? Как Бог даст. Петли, силки из травы опять же наделали, попало́сь сколь-то раз, было жарко́е. Без соли, без хлеба, без карто́ви. Как-то на козулю натака́лись. Петлёй поймали, топором бить пришлось. Речушку нашли, одно названье что речушка, так – ручеёк. Однако рыбёшка маломáльная нашлась. Мелкая, да идти далековато, но всё розоста́вок. Нашли глину, камней от реки натаскали, сложили две печурки. У кого ножик за ону́чами сберёгся, пригождался шибко.

Ежели не думать, как оно дальше, жить одним днём, так ничего вроде. Токо как не думать-то? Разве хоть один из их не думал теперь? Сёдне омману́ли голод, ночь отвели, а потом чё? Ну, дрова есть, лесу хватит. А чем кормиться зимой? С топорами на охоту ходить? Оде́жа у кого какая, у кого никакой. Бабы которы и без чулок, да и мужики хто как, у кого вовсе ничем-ничего нет, расплох супостаты застали. А захворают? Да и кабы всё бы у их было, и поись, и одеть, хто оне для России? Нашто́ их сюда свезли́, всего лишили? Вот то-то и есть. Не на жилбе́ их прописа́ли, а погíнуть тут велят.

Как-то утром хватíлись – нету пятерых, луговских-то му-

жа с женой да ещё троих, которые по дороге добавились. Через четыре дня скачут товарищи, и баб беглых волокут. Велели всем выстроиться, и давай орать да стращать. Мол, живых вас оставили, а надо было всех передавить, а не токо ётих двоих. Да токо хто ишшо посмеет бежать, дак вам ето же будет! Когда уехали, бабы-то, что вернулись, сказывали, что мужья ихние схватились драться с красными-то, да те их застрелили.

Дождить начало враз как-то, да лило бёсперечь. На улицу не выйти. Голодом сидели, да закашляли многие. Авдотья ходила от одного до другого, отваром поила. У одной бабы ребёночка приняла. Малюхотной, слабосильный. Недели не пожил, не крещён – не отпёт, лёг в чужую земельку, в глухом лесу. Мать и не поднялась, всё лежала, иссыхала день ото дня. Авдотья думала про Марию, что вот тоже ведь времё подойдёт.

Люди, бывало, начинали разговоры про свою беду, да ни к чему – так и бросали. Уговорились вроде: мужикам не роптать, бабам не реветь, чтобы друг дружке сердце не гноить. Крепились, сколь могли. Да и беда крепилась, не отступала. Хуже всего робятам, примолкли пташки. Играть нету силёшек, да и понимают, что не до игры. Повáдились возле Ильи собираться, побасёнки слушать. Когда баба-та та родила, он емям сказывал:

– А я, пáря, на покосе родился. Вижу – народ-от сено кошит. Ну, я сразу взял грабли и пошёл сено грести.

Глазёнки округлят, слушают. Один жалуется:

– Меня, дёдо, робята дразнят.

– Вот моёва Егора тоже дразнили маленькова-то...

– А неуж он маленькой был?

– Был. Кротом дразнили. «Ты крот, ты крот!» А он ему.

«Ну, я крот, нас... ал тебе в рот!» С той поры отстали.

Хохочут.

– Ты, главное дело, не робей.

– Дедо, а баушка Дуня вылечит моего тятю?

– Знамо, вылечит. А ты знашь, какá она была, баушка-та Дуня? Маленькая, одна щека в саже. Я щёку-ту ей вымыл, вырастил её, потом женился.

* * *

В Липиной готовили новое правление колхоза. Трёх баб снарядили прибраться. Оне быстрёхонько управились. Нечего прибирать-то, сказанули тоже: у Кротовых дом прибраться! Токо пол пришлось замыть, его уж затоптали, да набросали окурков. На воротах прибили вывеску, что мол, правление тут. В избе тоже красная тряпка – «Вся власть советам!» Ну и разная прочая, чего там полагаются, наташили.

Федя Горбатый залез на полáти и глядел сверху на председателя, комиссара и других товарищей. Зима наступала на пятки, дела в колхозе были не ахтí. Привычки нету, никто ладом не знат, чё к чему.

– Фёдор Савватеевич, спускайтесь, пора начинать.

– Я говорю: как светло в Липиной-то стало, кулаков-то выселили дак! Прямо свет в деревне-то!

Перед домом ждал народ, собрание колхозников. Начальство выступало, Федя поддакивал, Мákся Сóря с ружьём своим припёрся. Народ молчал.

– Ну, что же вы, товарищи, активнее, выступайте. Что вы можете предложить по укреплению нашего колхоза?

Кто-то из мужиков в задних рядах пробубнил:

– Ага, выступайте, давайте. Довыступаете – отправят, куда Макар телят не гонял. Али ёнтот жáхнет из ружá.

Сколь-то помолчали. Потом Клавде́я, шустрая одна бабёнка, не выдержала:

– Ты мне скажи, председатель, как нам самим с ног не пасть? Мне робятёшек чем кормить скажешь? Я день-деньской на коровнике, мужик на конюшной, а онé одне в избе. Наделают чё-нибудь себе, хто за имя́ приглядит? Домой придёшь с колхозу, дома на зуб бросить нечего. А молочко забыли, как и пахнет. Ра́не-то у худенькой вдовёнки была коровёнка, а тепе́рь что? У меня пять куричошек было, и тех унесли.

У комиссара уже глаз не по-хорошему заблестел, чё бы было – неизвестно, да Клавдея заревела напоследё-то. А он из тех мужиков был, которые бабьих слёз не признают. Раз, мол, реве́т – нечё её слушать. Председатель струхану́л маленько, и скорёхонько на друго перевёл: велел Петру Забелину выступить. На его влась обнадёивалась – из маломáльных

средняков, скотину сам привёл в колхоз. Скажи, мол, чём-нибудь про колхоз дельное. Он вышел, поглядел на народ, опнулся.

– Сказать, говорите?.. Скажу. Хресьянску курицу забрели, вся деревня заревели!

И отчаянно махнув рукой, подытожил:

– Я всё сказал.

Не оправдал, в общем, доверия власти. И как-то собрание на нет – на нет – на нет сошло. День как-то не задался.

* * *

Александра с ребятами приютились у дяди, Ивана Петровича. На улицу шибко не показывалась, в избе, в ограде с хозяевами робила. Когда кто зайдёт – старалась на кухне быть. Робятёшек на улицу тоже не пускали, скажут – чьи, откуда? Никаких разговоров не вели, домашние молчат, она и подавно. Чё тут скажешь? Как понять, что делается и решить, что делать? Утром не знаешь, что днём будет, вечером неизвестно, что ночь принесёт. Что за жись настала, за что уцепиться, на что надеяться, куда идти? Сидели по домам, у кого они были, ждали, незнамо чего. За кем ещё придут, кого обнесут? Вот дядиных пока оставили, да в колхоз ждут, идти надо.

Да и Александре покою нету, хотя вроде и разрешили отдельно жить, да кто их знает? Сёдне так, завтра эдак. Раз-ве могла она когда подумать, что будет сиротой бесприют-

ной, и не будет знать, чем детей накормить, где их положить? Лежала теперь ночи напролёт, уснуть не могла – хоть глаза сшей. Дума за думу. Сколь так-то биться? Не век по людям прятаться. Слава Богу, что борисовских не выселили, где бы она щас была! Но дальше-то куда? В город ехать, родных мест лишиться? А про тятю с мамой, про Егора думать было не вмоготу, слёзы не морщёй бежали. Хорошо – в потёмках-то никто не видит.

Однако подумать было надо. Представить, что вот она насовсем осталась одна, без них, никак было нельзя. Этого быть не может, не должно, это всё омман, приснилось только. Ум понимал, что происходит не её одной беда, а одна большая беда на всех. Во всех деревнях людей обобрали и выселили, и в городах тоже, и убили многих. Но душа никак не хотела с этим мириться. Как же это её любимый тятя, мудрый, сильный, где-то, может, в чистом поле без крошки хлеба? Как же мамонька родимая, мастерица и работница, не имеет, чем прикрыться от непогоды? Братец милый не знает, куда головушку приклонить. Неуж это она попустит? Ведь она-то на воле, руки-ноги целы, голова на месте.

И изнуряла она так свою голову думами, вопросами, а где не хватало ответов, стала искать их, потихоньку приспрашивать. Перво дело, конечно, дядя, что он думает про всё это, что знает. Иван Петрович токо головой качал.

– Если бы то несоразумение было, либо ошибка, тогда

можно правды поискать. А тут всё от ума делается. Задались они, значит, всё это изломать-то.

– А для чего задались? А, дядя Иван?

– Видать, чтоб богатых не было... А пошто? Пойди, поймай их. Да и не может того быть. Ежли в одном месте убыло, стало быть, где-то прибыло. А у кого прибыло? Кто забрал, у того и прибыло. У одних взять – другим отдать. Да ишо внушают – это, мол, по справедливости. Вот всё орут, мол, разруха да голод. А кто их наделал? Кто изломал? У нас нечё ётого не было, и ишо бы стóко не бывало. А оне вон чё наробили, а теперь говорят: «Вон какá беда на нас нашла!» Сама, ли чё ли, нашла? Енто, к примеру, я щас избу свою запалюб, да сам и заору – мол, пожар, пожар! Беда, мол. Ладно – нет, эдак-ту? Здумали жись переделывать, а нас спросили? Мы нечё переделывать не собирались. Не такая Рассея, чтобы её переделывать... Да, ишо, слышь-ко, мы же виноватые. Мы себе жили, некогó не трогали, вдруг – нате вам! Вы, говорят, белые бандиты, всё наше хозяйство разорили. А мы, мол, сделаем – всем хорошо будет. Вон как хорошо стало, не знашь, куда бежать...

В народе только одно говорили: конец света это. По всему видать. Смертоубйвство, голод, с ума все сошли, беспорядок, грабёж, срамотá всякая, Бога клянóт. Частушку сложили про это:

Навалилось на нас горе,

Видно – вышло нам пропасть!

Пляшут бесы на заборе:

«Наше время, наша власть!»

В конце концов, Александра поняла, что без толку обдумывать, что делается кругом, и зачем, кому это надо. Этого ей не решить. Надо ум направить на своих. Как им помочь? Если живы ещё... Об этом даже думать не надо! «Помоги, Господи!» – только и шептала. За что выселили, почему? Какую вину на них навалили? В бумаге-то, которую она читали, ничё не поймёшь. Одно что, мол, хозяйство. Зажиточные, мол. Ну, хозяйство, дальше что? Почему им нельзя пользоваться тем, что сами изладили, вырастили, а другим ихное отдали – тем можно пользоваться чужим. Живут люди, делают чё-нибудь, вдруг – пришли, всё забрали у их. Ну, чё это к чему? И какó вобще-то кому дело, у кого чё есть? С чего считать-то зáchали? Люди живут, у всех чё-нибудь есть, человеку ись-пить надо, одеться-обуться, как безо всего-то жить? Кто как робит, так и имеет, как потóпашь, так и полóпашь. Можно грабить, ли чё ли?

Шила в мешке не утаишь, помаленьку прознали в соседях, что она тут живёт. Да и чуток обвыклась – тихо вроде пока. Начала выходить на улицу.

В Борисовой тоже было правление, общие собрания. С флагами ходили да песни пели. Прислушивалась, приглядывалась, и думала, думала. Вот так и узнала, что обвиняли

кулаков, что, дескать, не сами они нажили добро, а работников держали, они спины гнули. Так она и знала, так и чувствовала, что не всё просто! Должен быть какой-то обман, фокус какой-то. Вот оно что! На вранье беду-то людям подстроили.

Гнули спины-то, ещё как гнули! И тятя с мамой, и дед Иван с баушкой Надёжей, и братец с жонкой, и свёкор со свекровкой, и муж её, и она, и робята малые, чё по силам дак. И Шабуровы, и Максим Соколов, и баушка Антанида Пахомовна – все были работники добрые. А ещё держали они у себя батраков – Серка́ с Грунею, Изку с Мамкой, славные были работники...

Оттого и Иван Петрович не мог сказать, что к чему, потому как враньё. Разве до такого додумаешься? Теперь главное дело: как всё исправить? Прежде всего, куда бежать, к кому обратиться? Должен быть всегда кто-то, кто в силе, кто главный, кто может решить любое дело. «Помоги, Господи!»

Оставила робят у родни и пошла в Егоршину, на станцию. Села в поезд и поехала в Екатеринбург.

* * *

Утра́ми по́ лесу туман плыл, потом грязь стала подмерзать. Давно начали печки подтапливать. Дров, веток, щепы напасли, да и так, когда ведро, ещё рубили в запас. Всё—таки не жарко было в бараке. Изба без гвоздей поставлена, травой утыкана, глиной замазана. С едой хуже всего. Двое мужиков

уж ходили искать, где кто живёт ли поблизости. Вроде бы чё-то у их припрятано было, дак на хлеб выменять. Пришли ни с чем, на простой. То ли правда не нашли никого, то ли дорóгой мёну-то съели.

Илья Иванович подозвал как-то сына пошептаться. Мужики в лесу были, на промысле. Луки излáдили, зайцев бить. Вобче-то их нельзя ись, мягколапых, да чё тут сделаешь? Да, может, где какая птаха попадёт. С тетивой хуже пришлось, где бабьи гáсники, где из портков вязки в ход пошли. Мало-мало стрелялось, да худо. Тоже, навык ведь надо иметь. Илья с Егором отстали маленько от артели.

– Вот, Егор Ильич, налаживаться станем – домой идти. Весны нам тут не видать.

– На смерть идти. Нас застрелят, баб вернут.

– А мы с Богом пойдём.

Отец понимал, что не в спор сын ему говорит, а в рассуждение.

– Как идти-то, тятя? Куда? Дома нету, дорогу не знаем...

А Марие как?

Илья Иванович поглядел куда-то поверх деревьев:

– А потихоньку.

Авдотья, как услышала, чё муж ладит делать, будто токо и ждала. Ум, конечно, ужáхнулся, а в душе как просияло. Давно она приглядывалась к Илье, как он на молитве задумываться стал, ровно кого слушает. Видно положил Господь на душу – идти. Здесь всё одно пропадёшь, а так может и вы-

горит дело. Упал в реку, гребни – и выплывешь, шевелиться не станешь – камнем на дно. Скоро снег падёт, боле ждатель нечего.

Часов никто не знал тут, вставали и ложились по солнцу, дни на досочке царапали. Надо как-то было уйти до свету, но чтобы маленько розвйднелось. Как отошли от избы подáле, опnúлись на молитву. Господи, Матушка Пресвятая Богородица, святитель Николай, помогите нам, грешным!

Пошли в обратную сторону, туда, откуда их привезли, по прóсеке. Дальше просек не было, это они изучили, пока жили тут. Видно, то их здесь и бросили, что ехать бóле было некуда, а то бы ещё дальше свезли.

– От Тобольска вёрст, я думаю, с полтыщи будет. До Покрова придём – нет? Навряд ли.

Разные пути выпадали казаку, а такого не было. Командиром сам себе, в полку половина – бабы, вместо карты – звёзды на небе да Ангел-Хранитель. Слава Богу, по свету по глухим местам пробрались, к ночи из лесу на жилбе вышли. Перекрестясь, выбрали избёнку с краю, постукали в окошко. Не обрадовались, конечно, им, но пустили в сараюшку. Овечки там, не шибко холодно. В сено зарылись, друг дружку грели, ночевали. Засветло хозяйка тихобоньку зашла к им, сунула пол-каравая да пару картóвин. Велела уходить, мол, мужику своему не верю, как бы не выдал.

Пошли, благословясь, дáле. Теперь жилого больше станет попадать, днём нельзя идти. Больше по опушкам, в поле-то

наехать могут, далёко видать человека-та. Деревни по околицам обходили, кое-когда, перекрестясь, куда-нибудь шкрябались. Кто руками машет на их, кто в окошко вкрадче сухарей сунет и спрятаются. Раза по три пришлось сутками идти – нихто не обрадёл, не принял. В поле спать – замёрзнешь, огонь зажэгчи – увидят. Если где сено попадало, в ём прятались, пока не стемняется. Как-то увидали издалёка – скачут. Вон стога стоят, да не успеть зарыться-то. Бог послал овражек, кустами хорошо прикрытый. Попадали туда, дыхнуть бояться. Подъехали красные к стогам, да давай штыками в их тыкать. Заматерились, покрутились около, да ускакали. Помолвились ходоки, благодарили Матерь Божью, что заступила их, с темнотою опять отправились.

Случались попутчики, таки же бездомники. Опасливо, и те и эти друг дружку боялись, но ничё, шли до жилья, а там – всяк в свои козыри. Тоже ведь и дорогу надо вы́знять, вот которы ходки им и показывали. Одинова подвезло, какá-та бабёнка на телеге прокатила, версты на четыре ноги поберегли. Другой раз мужик один середí дня их в возке провёз, какй-то корзинки, мешки пустые у его там. Беглецы на дно в возке-то устроились, он их етим добром-то накрыл. Подумывалось, конечно, что вот щас возьмут да подвезут их к чекé. Нет, всё ладом проходило. Авдотья всё новые имена к молитвам добавляла: «Спаси, Господи, и того, и этого, и эту, и нам помоги, грешным!»

Как-то скрывались у одних, Авдотья по воду вышла, хо-

зьяйке пособить. Два шага от ворот-то, вовсе рядом. Да и сумерки. И вдруг – шум, топот, двое товарищей с ружьями четверых человек гонят. Авдотья замерла у колодца, спиной отвернулася, наклонилась, воду набирает. Ежли испугаться, кинуться во двор – подозрительно. А так – берёт баба воду, да и всё. А они возьми да остановись. Сперва солдаты с лошадей соскочили.

– Тётка, дай воды!

Вон как у товарищей-то принято – «тётка». Наш бы человек, деревенский, да в старо время сказал «мать», а то «матушка». Да какой уж спрос, когда оне с ружьям на людей-то!

– Пейте, мблодцы, на здоровье.

А в голове: «Матушка Пресвятая Богородица, пронеси!»

Напились, сели, поехали. Тут люди-то запросились у их попить. «Смилуйтесь, ради Христа, можно нам хоть губы омочить!» Ну, дозволили всё-еки. Авдотья шёпотом перемолвилась с ними. Про их. Про себя, конечно, ни гу-гу. Будто хозяйка тутошная. Така же семья, так же ушли, вот гонят их обратно.

– А у нас на днях тоже беглецы мимо шли, воду ётта пили...

– Гиблое дело, мать. Если кто ещё придёт, пусть назад поворачивают. Всё одно – поймают.

Токо отошли подáле, она скорей в ворота. «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Своим об-сказала про ето, хозяевам – молчок.

А потом и всем им довелось увидеть, как гонят двоих беглых. Краем леса шли, за кустами прятались, а тех по дороге гнали. Сердце зайдётся, а помолятся, да опять идут.

Бывало, денёчки тёплые вы́дадутся. Идут по дороге, и солнышко начнёт выглядывать. Помаленьку, помаленьку, красное сперва, потом вы́желтит, и уж засветит вовсю. Каждую щепочку, каждую былиночку осияет, не забудет. И на душе вроде теплее делается, вроде и не было никакой беды, так токо, сон худой привиделся, да и всё. Нигде такова свету нету боле, как над деревней утрами. Никто солнышко не загоразивает, разве пригорок какой, да и то ненадолго. А все – лес, поле, речка, избы – потягаются, подставляют на тепло свои бока, щурятся на свет, радуются ему. Жалко прятаться от такой красоты да от тепла, а приходилось.

Попалось им селение Карачино. Большое, боле Липиной-то. Зашли в один дом, Авдотьё показалось – больно на свой находит. Огляделись, дак обалдели: обстановка знатная, а книг сколь! Не один шкаф, и всё в книгах. Думали: ну хто-то им попался, грамотные, сдадут – и в бобы не ворожи. А их приняли лучше лучшего, накормили, с собой дали. Ночевали беглые у их, как у своих. Грешным делом ещё подумывали в тот день-от, не будет ли всугóнь за ими погоня. Нет, ничего, не подлые хозяева попали.

Да, правду молвить, ни одних таких не попало. В тако-то вре́мё, когда люди и куста боялись, сам не донесёшь – на тебя донесут! А тут нихто, нигде. Авдотьё всё потом говорила: «Я

токо через одно раскулачиванье убедилась, что Бог есть. Чё хошь скажи, а я по себе знаю».

Двадцать одне сутки шли. Напрямки да на лёгкой мэне бы вышло, да ведь прятались, путь незнакомый, да бабы. Марие под конец совсем худо стало. Семой месяц ей доходил, рано бы ишшо. «Чую, мамонька, не дойду. Шибко бьётся. Чё это мы задéлам?» А Екатеринбург уж близко был. Хотели там спрятаться, мол, народу много, перемешаться посреди людей-то. Кто-нибудь пустит, а на хлеб они уж заробят. А там в Тагил уйти.

Дотянули таки до городу, сразу к церкви вышли. Илья Иванович бывал в ей в стары годы. Как-то не закрыто оказалось, и батюшка живой, служит даже. Указали им старушку, пустила их в комнатку. Ночевали, мужики с утра сразу пошли на рынок, работу найти. И вот-вот уж у их всё сладилось, откуда ни возьмись – товарищи. Пролетарская милиция. Кто такие, почему, что? Сразу в зуботычки. Ну и в тюрьму конечно. Вот тебе и пришли домой! Илья Иванович успел токо сыну сказать:

– Это ништо, не робей, ничё емям не говори. Бог-от на что!

Врозь их развели. Всё так делали, чтобы, значит, не сговаривались. А чё толку-то? Сговаривайся, не сговаривайся, так – тюрьма, и ек – тюрьма.

Мужики утром-то ишшо уйти не успели, как схватило Марию. Оне то и поспешили, мы, мол, свои дела станем ла-

дить, а бабы свои. Да вышло – бабы-то лучшее их поправились. Приняла Авдотья у снохи парнишечку, крохотного, слабёхотного. Ну, заревел, дак, может, оклемаётся. Положила на живот его матере-то, велела так держать всё время. Дома бы над навозом выпарили, недоношенных-то всё так выхаживают. А тут уж как придётся. Ладно, хоть молоко есь, берёт вроде, ест помаленьку, слава Богу.

Стали мужиков ждать. Ждали, ждали, все жданы прошли – нету и нету. Вот стемнялось, ночевать надо, чё делать-то бóле. Утром Авдотья пошла искать, дошла до рынка – сказывали, что туда пойдут дак. Насилу dospросíлась, какá-та бабёнка сказала ей, что да как. Кинулась сразу туда, к тюрьме-то, да опомнилась: а ну как и её заарестуют, куда Марие деваться? Опамятовалась, села на лавочку. Поплакала, конечно, не без этого. Ревёт да молится, молится да ре-вёт. Реви, не реви, иди обратно на квартиру.

Мария сразу в слёзы, да с причетом.

– Ой, девка, не реви, парнишку-то пупок надорвёшь!

Где там! Помолчит, да опять за то же. Авдотья уж сама-та держится, чтобы их не травить. Робетёнок конечно забеспокоился, ись худо стал. Вроде маленько Мария образумилась. А нет-нет, да опять затрясётся. Так и сидели в своей норе, одна ре-вёт, другá молится.

Кормиться, однако, надо как-то. Пошла Авдотья к тому же батюшке, подсказал, где можно наняться постирать да пол смыть. Так день отó дню тянулись. Где хозяйка под-

скажет работу, где кто. Мало-мало болтались. Но какá это жись? Надо ведь про мужиков разузнать, свидеться уж видно не придётся. Хозяйка глядела, глядела на их, видно, говорит, мне придётся сходить, жалость одна глядеть на вас. И ведь сходила, добилась как-то – пустили её к Илье. Пришла домой-то, надо, говорит, исповедаться батюшке за враньё. Чё уж она там сказала, в тюрьме-то, не в какую не призналась, рукой токо махнула. Авдотья и так с первого дня за её молилась, а тут вовсе.

Передавал Илья Иванович благословленье внуку, велел Николаем назвать. В честь Николы зимнего, он их провёл всю дорогу, ему и честь. Про себя сказал: увозить обратно их, вроде, не будут, станут тут держать. Мужики, там с ими которые, говорят, что, кого ладят застрелить, дак сразу уводят. Видно, их не будут пока. Вы, мол, живите, как Бог приведёт.

Самое первое дело было – Николу окрестить. Жись вон какая, а он слабёхонек. Боязно ждать положенного срока. Батюшка пришёл на квартиру, вечером, в потёмках, помолились за узников, а утром ранёхонько парнишку покрестили, стал Николай. Батюшка засветло ушёл. Жду, говорит, вас на Литургию в воскресенье. Токо не попали оне на службу-то. Пришла в пятницу хозяйка, слёзы вытирает. Увезли батюшку товарищи. Церкву закрыть пока не закрыли, да служить-то всё одно некому. Им само главное, чтобы не служили. Старухи приглядывают, да отец настоятель успел шепнуть им, чтобы иконки по домам сберегли, вот уносят потихоньку. Грозятся покойницкую в церкви-то сделать. Либо, говорят, будет клуб, чтобы молодёжь ночью там плясала, песни пела. Видно, негде им, христовым, плясать-то, церква самая та.

Что скажешь, всё уж сказано: беда одна не живёт. Завсегда следом беда за бедой тянутся. Тут хоть не ломают, в Мироновой, в Легушиной да в Деевой изломали церкви-то, всё разворотили, ободрали.

Ну не век чужих людей тяготить, надо пробираться ближе к родным избам. Набрали на билеты, пошли на станцию, хоть с опаской, да сели в поезд. А в Егоршиной уж разошлись: Авдотья пошла к брату, в Борисову, Мария к родителям, в Госьтёву.

Александра не знала, как дожидаться поезда до Егоршиной, хоть вперёд его беги! Как она, деревенская баба, нашла того, кто ответил на её вопросы, нашла в большом городе, в котором разóчка два бывала с тятей, и то маленькая – один Бог знал. Это ей шибко трудно и не показалось. Душа горела, беда сил придавала, Господь путь указывал. Сперва в церкву, конечно, зашла, молебен отстояла. Потом тут спросила, там узнала, здесь провёдала. От порога к порогу, от начальника к начальнику, от дверей к дверям. Ну, правду молвить, были у неё с собой взяты пара платков, полотёнчики вышитые, серёжки стеклянные. На всякий случай.

Помогли ей. Сказали, мол, к прокурору надо, да записаться сперва. На последний день голова уж как чигúnка была, гúдом гудела. Не ёвши, не пívши, но добилась, принял её прокурор. Сказал: надо, дескать, написать такую бумагу, что её родители работников не имели, никого не эксплуатировали, чужим трудом не пользовались. И пусть соседи эту бумагу подпишут. А про дом, говорит, пиши в Москву. На счёт собственности дело будет посурьёзней. Там, мол, в калидóре, деваха сидит, дак поможет тебе эти документы излáдить. Удивился, что она, Александра, грамотная. А какó дíво-то?

За платочек пособи́ла ей та деваха письма оформить, осталось подписать. Александра ходила туда-сюда по платформе, сердце стучало, бумаги грудь жгли. Скорé, скорее, в Липину! Как из Егоршиной дошагала до родимого мёстичка – и не заметила. Темнялось уж, когда посту́кала в окошко

к Симе. Катюшка открыла воротца.

– Тёта Шура! Откуда ты?

Гостья зашла в избу, пала на табуретку, воды попросила. Хозяйка подала ей ковшик.

– погоди, Сима, проздышусь маленько.

Напившись воды и переведея дух, Александра рассказала Шелегиным про своё дело. Сима сразу достала чернильный карандаш:

– Давай свои бумаги. Моя первая будет подпись! Катюшка, и ты черкни, не лишно, поди, будет.

– Дай Бог тебе здоровья, Сима. Побегу дальше.

– Да ты что! Куда на ночь глядя? Охлынь хоть маленько, да поешь, у меня вон похлёбка осталась. Завтре пойдёшь с утра.

Да какое там с утра! Сколько она выходила, сколько вытерпела, сколько пережила, а теперь вот она – Липина, вот бумага, и до утра?!

– Утром-то хто в колхоз, хто куда. А теперь все в избе.

Едва Сима успела взять платок свой да крикнуть:

– погоди, я с тобой!

Ну, разве за один вечер управишься! Людям-то ведь тоже, поговорить охота, что да как. Которым, правда, разговаривать-то бязно было, но отказу ни в одном доме Александра не встретила. Все до единого подписались. Как узнавали, что всё законно делают, дак ишо смелее карандаш-от брали. Много кто и радовался даже, всё ж таки люди понима-

ли ведь, что не по совести власть робит, не было у Кротовых никаких работников. Все да не все, конечно, Федю да Максю с Тимохой даже никто и не считал. Федя, однако, пронюхал про это дело, приколдыбáл к Симе.

– Чё, подкула́шница, худо тебе дома-та? За емя́м вслед захотела? Жалко, комиссар в Коптелову уехал, поглядел бы, какá важна пт́иса к нам тут залетела. Изловить бы енту пт́ису, да в клетку!

– Осади́! – сказала ему Сима. – Излови́лка ишшо не доросла.

И захлобу́чила перед ним двери. За два дня бабы управились, и вечером Александра уже шагала в Борисову. Хоть и грепти́т скорее обратно к прокурору бежать, да всё-таки робя́т надо поглядеть, и чуток самой оклемáться. Опять, с другой стороны, пока она тут оклёмываются, тяте с мамой каждой час дóрог. И всё-таки, будто хто-то велел ей: сходи, проведай борисовских. Как зашла в избу, и поняла, хто велел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.